

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ И ТЕКСТА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ (опыт прогнозирующего анализа)

1. История литературного языка изучает язык, представленный в движущихся во времени императивных текстах культуры. Введение истории литературного языка в современную научную парадигму, доминантой которой можно считать функциональный антропоцентризм, мотивирует необходимость определения культурно-языкового статуса личностей, создающих императивные тексты. Определение культурно-языкового статуса личности предполагает три типа реконструкций: реконструкцию культурной компетенции, реконструкцию рефлексии над текстом и языком, а также реконструкцию языковых и метаязыковых навыков. Определение культурно-языкового статуса личности должно быть соединено с определением культурно-языкового статуса самого текста, т. е. с определением позиции текста в иерархии текстов культуры, а также с определением языковых диагностических признаков. Поскольку культурно-языковой статус личности влияет на культурно-языковой статус текста, соотношение культурно-языковых параметров личности, потенциально способной создать текст, и культурно-языковых параметров текста позволяет совершенствовать механизм атрибуции текста. Данный прогнозирующий анализ особенно актуален при атрибуции текстов, порожденных в «пограничные» эпохи, содержанием которых является смена типа культуры и, следовательно, смена «своих» книжно-языковых императивов, а также «чужих» авторитетных образцов.

В истории России такой «пограничной» эпохой была эпоха Петра I, отмеченная переходом от конфессиональной культуры к секулярной, что выразилось в конкурентном сосуществовании императивных церковных и светских текстов, а также в движении от традиционного церковнославянского литературного языка к русскому литературному языку нового типа. Сопутствующая этому процессу смена культурно-языковых образцов проявилась в элиминации конфессионально мотивированной идеи греко-славянского единения, маркером которого было функциональное тождество классических языков (греческий язык = церковнославянский язык), и в последующей трансляции се-

культурно мотивированной идеи европейского единения, маркированного стремлением к достижению функционального тождества новых «простых» европейских языков (французский, немецкий... = русский язык). Реализуемая в столь сложных условиях книжно-языковая деятельность осуществлялась прежде всего «единственным в своем роде поколением, подобным Янусу с двумя лицами: одно обращенное в прошлое, другое в будущее» (Хютль-Фольтер 1987, 8), поскольку представители этого поколения получили как традиционное духовное образование, так и новое европейское светское образование. Такая культурно-языковая амбивалентность книжников «поколения Януса» делает невозможной атрибуцию текстов без тщательного прогнозирующего анализа культурно-языкового статуса личностей, которые были способны порождать принципиально разные императивные тексты Петровской эпохи.

К «поколению Януса» принадлежал и Петр Васильевич Постников — врач, дипломат, переводчик, чья книжно-языковая деятельность до сих пор вызывает противоположные научные оценки. Целью данной работы является уточнение объема и характера книжно-языковой деятельности Петра Постникова посредством проведения прогнозирующего анализа, сопоставляющего культурно-языковые параметры личности и текста.

2.1. Петр Васильевич Постников был сыном Василия Тимофеевича Постникова, дьяка Посольского приказа, известного своим деятельным участием в ответственных дипломатических миссиях в Польшу (1670 г.), в Австрию (1676 г.), в Турцию (1682 г.), в Голландию, Англию и Италию (1687 г.). Вероятно, не без влияния отца Петр Постников начал свое образование у приглашенных из Константинополя ученых греков братьев Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской академии. Основная цель «науки и учености» в академии состояла в подготовке образованных людей для церкви и государства: «ученых справщиков для Книгопечатного двора, ученых переводчиков с греческого, способных в точности исправить вкравшиеся в течение веков описки и ошибки церковных текстов, наконец, в вершине всего — ученых защитников православия» (Забелин 1887, 12).

М. Сменцовский в своем труде «Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков», говоря о серьезности постановки школьного дела в Славяно-греко-латинской академии и солидности научного образования, назвал лучших учеников Лихудов, сыгравших впоследствии важную культурно-историческую роль, в числе названных был и Петр Постников: «в краткое время своего учительства они подготовили несколько вполне образованных воспитанников, каковы Николай Семенов (Головин), Федор Поликарпов, монахи Козма, Феолог и Иов... кроме поименованных, из учеников Лихудов до-

стоин упоминания Петр Васильевич Постников, первый русский доктор медицины... он был сын известного дьяка Посольского приказа (Василия Постникова), учился у Лихудов с 1685 по 1692 г.» (Сменцовский 1899, 288). Известно, что Лихуды приступили к преподаванию 31 марта 1685 г. (Смирнов 1855, 24), самыми первыми их учениками были старшие учащиеся «типографской» греческой школы при Печатном дворе иеромонаха Тимофея: Алексей Барсов, Николай Головин, Федор Поликарпов, Федот Агеев и Иосиф Афанасьев. Позже к ним присоединились чудовский монах Иов и иеродьякон Богоявленского монастыря Палладий Рогов — будущий ректор Славяно-греко-латинской академии. Среди самых первых учеников Лихудов мы не находим Петра Постникова, однако он без сомнения был одним из первых учеников, поскольку начиная со времени официального открытия академии (1687 г.) имя Петра Постникова упоминалось наряду с именами первых учеников. Как видно из архивных ведомостей академии, Петр Постников регулярно доказывал «остроту понимания» «похвальным успехом». Свидетельством неординарных способностей и значительных достижений в школьном учении являлись «золотые награды», жалованные Петру Постникову патриархами на протяжении всех лет обучения как одному из лучших учащихся:

— 1687 г.: «В январе 1687... 29 числа, быть может, в воспоминание первого открытия, богоявленская деревянная школа... видела в своих стенах светлейшего патриарха... Теперь в школе преподавали уже грамматику, и патриарх слушал “греческого грамматического учения” и после слушания пожаловал учителям Софронию и Иоанникию... по 5 золотых, да ученикам детям боярина князь Юрья Михайловича Одоевского князь Михаилу да князь Юрью да князь Алексею да дьяка *Василия Посникова сыну Петру* (выделено мной. — Н. З.) — по золотому человеку» (Забелин 1887, 7; Сменцовский 1899, 65):

«Декабря в 28 день приходили ко святейшему патриарху в Крестовую палату школьные учителя грекоиеромонахи Иоанникий да Софроний, которые учат учеников греческому учению в школе, со учениками, и говорили святейшему патриарху ученики поздравительные речи. И святейший патриарх учителей грекоиеромонахов Иоанникия и Софрония пожаловал денежною дачею, а ученикам их святейший патриарх пожаловал князь Алексею Борисову сыну Голицину три золотых, Тимофею да Петру Тимофеевым детям Савеловым по два золотых, Костянтину Литвину, Ивану Мусину-Пушкину, Ивану Бухвостову, *Петру Посникову* (выделено мной. — Н. З.), Никите Семенову, Федору Перевотчикову, Ивану Алексею... по одному золотому» (Цветаев 1896, 41);

— 1688 г.: «(20 апреля) говорили святейшему патриарху ученики „погреческу“ и „пословенску“ поздравительные речи... и святейший патриарх грекоиеромонаха Софрония пожаловал: *Петру Васильеву сыну Посникову* (выделено мной. — Н. З.) два золотых, Никите Андрееву сыну Семенову... Ивану

Афанасьеву сыну Мусину-Пушкину, Алексею Кириллову, Николаю Семенову, Федору Поликарпову... по золотому человеку» (Цветаев 1896, 41);

— 1689 г.: «В Рождество 1689 г. Иосиф Афанасьев и его товарищи — семь человек (среди них мог быть и Петр Постников. — Н. З.) приветствовали патриарха „орациями“ своего сочинения» (Сменцовский 1899, 66);

— 1691 г.: (27 декабря) старшие ученики «славили Христа греческим распевом... и ученики говорили „полатине“ и „пословенску“ о Рождестве Христове многие речи... и святейший патриарх пожаловал учителей денежною дачею, а ученикам их *Петру Посникову* (выделено мной — Н. З.) три золотых (ср.: «два золотых» — Сменцовский 1899, 66), Николаю Семенову, Федору Поликарпову, Алексею Кириллову по золотому да по ефимку, Федоту Агееву, Федору Герасимову, Андрею Михайлову, Георгию Михайлову, Ивану Дмитриеву по ефимку человеку» (Цветаев 1896, 42);

«В Пасху 1691 г. Петр Посников получил 3 золотых, остальные шесть человек по ефимку» (Сменцовский 1899, 66).

Показательно, что высших наград Петр Постников был удостоен в тех случаях, когда ученики приветствовали патриарха «пословенску», «погреческу» и «полатине» «орациями» своего сочинения. Можно думать, что «орации» Петра Постникова были составлены в полном соответствии с требованиями, которые Софроний Лихуд предъявлял к риторике: «Не есть убо, таже отъ многихъ мнитса быти риторика — тканіе реченіи и крутъ периодовъ, хитростнѣ обточенъ. Риторика есть рѣка великаго ума, таже состоитса паче вещи и разумы, неже словцами» (цит. по: Сменцовский 1899, 73). Демонстрацией риторических успехов Петра Постникова является сохранившееся в рукописном сборнике (ГПБ, собр. Погодина, № 1963, лл. 159—163 об.) «Слово на Рождество...», поднесенное Петром Постниковым патриарху Иоакиму в 1687 г. (публикация текста и комментариев: Запольская, Страхова 1993, 135—148). «Слово...» демонстрирует как теоретическую осведомленность Петра Постникова в «свободных науках» (см.: ссылки на Пифагора и Аристотеля), так и практические риторические навыки, что проявилось в выдержанности трехчастной композиции, в умелом введении риторических фигур (например, «усугубления»: «во ѡстроумнѣишемъ ѡномъ, и преславномъ во крѣзѣ земномъ изъщества ради вѣдѣніи... во ѡстроумнѣишемъ глаю ѡномъ, и преславномъ во земномъ крѣзѣ изъщества ради вѣдѣніи...»), в искусном употреблении тропов (например, в соединении традиционных и нетрадиционных «образов»: «корабль нашего разума»; «корабль, снестъ пространнѣишее и блгочтивѣишее московское цѣтво»; «въ гвслѣхъ три присутствовати видатса, художество, десница, стрѣна. ѡбачеже единъ слышитса звѣкъ... сицевымъ образомъ ниже оцѣ, ниже стын дхъ воспрѣвше плоть, ѡбачеже с' сыномъ содѣ[ло]ваютъ...»).

Требование Софрония Лихуды совмещать «украшенность» и «ясность» в ораторской речи определило высокий уровень владения его учениками церковнославянским («словенским») языком, правильность которого в этот период понималась как формально-семантическая ориентация на греческий язык. Так, в своем полемическом сочинении «Акос» Лихуды прямо утверждали, что знание греческого языка является необходимым условием знания церковнославянского языка: «Невѣдѣи опасно еллинскій діалектѣ ниже словенскій діалектѣ вѣсь, ниже познати можетѣ искреннее намѣреніе и разумѣ Божественныхъ писаній и отцевъ, на словенскій діалектѣ претолкованныхъ» (цит. по: Прозоровский 1896, 563). В «Слове...» Петра Постника формально-семантическая трансляция греческого языка в церковнославянский обнаруживает себя прежде всего в синтаксисе: в насыщенности текста инфинитивными и причастными конструкциями, а также в использовании конструкции «родительный восклицания» (например, «прінде хрѣтосъ спситель мѣра ко ѣже просвѣтити чѣства наша...»; «.....оудивитеса видѣще сѣдѣща превыше хервѣмшвѣ... родившасѣ ѿ оца превѣчнаго, днесъ во времени ѿ приснобженнаго рождѣнна дѣвы мрѣи, своимъ всесіліемъ мѣръ создавшася...», «ѿ велиаго и несравнѣтнаго бѣгоствора!»).

Именно организация систематического изучения классических языков — греческого и латинского — явилась особой заслугой Лихудов. Позже один из лучших учеников Лихудов, Федор Поликарпов, свидетельствовал в своем «Лексиконе трезычном» (1704 г.), что греческий язык следовало изучать «во утверждѣніе правыхъ греческихъ догматѣ», а латинский язык «паче иныхъ во гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ обносится» (цит. по: Строев 1829, 206). Несмотря на то, что Лихуды преподавали как греческий, так и латинский язык, средоточием и главной силой был греческий, а с ним все образование носило господствующий греческий характер, поэтому академия именовалась также «греческие школы» и «еллино-греческая академия».

Доказательством хорошо продуманной методики преподавания классических языков служили как сама структура академии, так и учебные руководства, составленные Лихудами. В те годы, когда обучался Петр Постников, Славяно-греко-латинская академия разделялась на подготовительный класс — «школу словенского писания», «нижнюю школу» — школу «греческого книжного писания», «среднюю школу» — школу «греческой грамматики» и «верхнюю школу» — школу риторики, логики и физики. Риторика, логику и физику Лихуды преподавали на греческом и латинском языках, грамматику — на греческом. Руководствами для обучения служили учебные пособия, составленные самими «учеными греками» и рассчитанные на данную конкретную аудиторию. Так, в частности, в год официального открытия академии (1687) Софроний и Иоанникий написали свой первый учебник — краткую грамма-

тику греческого языка. Ориентиром для составления этого учебного пособия послужила известная греческая грамматика Константина Ласкариса, вышедшая первым изданием в Милане в 1476 г. Однако лихудовский учебник отнюдь не являлся простым сокращением грамматики Ласкариса: учитывая свою аудиторию, Лихуды ввели новые разделы (например, о произношении, о написании), конкретные пояснения (например, о различии между залогами), местами изменили порядок следования материала, убрали развернутые парадигмы склонений и спряжений, оставив лишь примеры (Копыленко 1960, 88—89). Сам материал был изложен у Лихудов методом «сократического диалога», т. е. в форме вопросов и ответов, кроме того, рядом с греческим текстом имелся перевод на церковнославянский язык, поскольку краткая грамматика была предназначена для учеников «низшей» и «средней» школ. В свою очередь учебник риторики, написанный Софронием Лихудом на греческом языке для учеников «верхней» школы, уже не имел вопросно-ответной формы, а представлял систематически изложенный теоретический материал, снабженный развернутыми планами к ораторским речам на разные темы, а также образцами речей античных авторов или речей, сочиненных самим Софронием Лихудом (Елеонская 1990, 47—53).

Среди сохранившихся списков учебных руководств на греческом языке, составленных Лихудами и переписанных их учениками, можно выделить целый комплекс списков, объединенных одним типом почерка: рукопись БАН, Q, № 5: вопросы и ответы на тему «Физики» Аристотеля; рукопись БАН, Q, № 3 (л. 71—100, л. 39—68): курс лекций по риторике Софрония Лихуда; рукопись БАН, № 16.6.11: краткая грамматика греческого языка (греческий текст); рукопись ГПБ, Греческое собрание, № 152: курс лекций по логике Софрония Лихуда (дата в тексте — 1690 г.). Тип почерка в данных рукописях совпадает с почерком, которым написаны лл. 51—66 медицинской рукописи БАН, Q, № 8 и рецепты, вложенные в эту рукопись (Лебедева 1973, 117). Проведенные наблюдения над типом почерка и составом рукописей позволили исследователям предположить, что переписчиком лихудовских учебных руководств был Петр Постников: «наличие в числе данных рукописей медицинского текста и листка с рецептами позволяет выдвинуть версию о том, что писцом мог быть Петр Васильевич Постников... (который) еще в Москве начал заниматься медициной» (Трохачев 1988, 212).

Успехи «греческого и латинского обучения» были столь блистательны, что «верхние» ученики могли свободно переводить книги с греческого и латинского на церковнославянский язык. Так, в 1687 г. старшие ученики Николай Головин, Алексей Барсов, Федор Поликарпов перевели с греческого на церковнославянский язык полемический трактат Лихудов «Акос» (ГИМ, Син. 439, 440; ГБЛ, ф. 310, № 482), в 1691—1692 гг. Федор Поликарпов перевел

«Сечивце против латинян» Максима Пелопонесского (ГИМ, Син. 490; греческий текст был опубликован Иерусалимским патриархом Досифеем в Бухаресте в 1690 г.), в 1693 г. тот же Федор Поликарпов перевел книгу патриарха Нектария «О власти Папской» (ГИМ, Син. 528). В 1691 г. Иосиф Афанасьев, Алексей Барсов, Николай Головин, Федор Поликарпов, Федот Агеев и монах Иов перевели с греческого на церковнославянский язык «Енхиридион», сочинение, приписываемое патриарху Досифею, и «Опровержение Кальвинских глав» Мелетия Сирига (ГИМ, Син. 158). Среди лучших учеников, исполнявших данные переводы, никогда не указывалось имя Петра Постникова, что само по себе представляется странным, поскольку Петр Постников на протяжении всех лет обучения считался учеником «первой статьи».

Обращение к рукописи ГИМ, Син. 158, содержащей переводы «Опровержения Кальвинских глав» Мелетия Сирига и «Енхиридиона» патриарха Досифея, позволило нам выдвинуть гипотезу о том, что в переводе принимал участие и Петр Постников (Запольская 1988, 80—81). А. Горский и К. Невоструев в «Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» указывали, что «обе книги правлены... Евфимием монахом, но первоначальный перевод, как видно по его характеру, принадлежит не Евфимию, а другим лицам, ученикам Лихудов... имена переводчиков означены первыми буквами при начале каждой тетради внизу... именно: («Опровержение ... Мелетия Сирига) лл. 10—45 (тет. 2—9) помечены: *ѳѡсѣѣ ѡфанасьевъ*», лл. 46—84 (тет. 10—16) — П. П. (кто неизвестно), лл. 85—143 (тет. 17—23) — *А. К.* (д. б. *Алексей Кирилловъ Барсовъ*), лл. 144—199 (тет. 24—30) — *Н. С.* (д. б. *Николай Семеновъ Головинъ*), лл. 200—248 (тет. 31—37) — *Ф. П.* (*Федоръ Поликарповъ*), лл. 249—305 (тет. 38—45) — *Ф. Аг.* (д. б. *Федотъ Аггеевъ*); («Енхиридион»): лл. 308—323 (тет. 46—47) — *Ф. П.*, лл. 324—339 (тет. 48—49) — *А. К.*, лл. 340—378 (тет. 50—54) — *Ф. П.*, лл. 379—386 (тет. 55) — *А. К.*, лл. 387—397 (тет. 56—57) — *Ѳѡѡ* (монах *Ѳѡѡѡ*)» (Горский, Невоструев 1862, 489). Предложенная А. Горским и К. Невоструевым атрибуция криптонимов не вызывает сомнений, однако ими не были расшифрованы литеры П. П., — «кто такой, неизвестно». Учитывая приведенные нами факты, можно предположить, что скрывавшимся под криптонимом П. П. учеником Лихудов был не кто иной, как Петр Постников, который к 1691 г., т. е. к концу обучения в академии был уже «добрым грамматиком, искусным в Священном Писании и догматах», в совершенстве владевшим книжным греческим языком.

Обучение греческому языку у Лихудов предполагало знание не только книжного, но и «простого», или «общего», греческого языка — димотики (Яламас 1992), о чем свидетельствует челобитная Лихудов 1687 г.: «...*рабѡта ѳѡша великая явна есть всѣмъ чрезъ предъсѣніе ѹчениковъ нашихъ, которыя выѹчили*

грамматикѣ еллинскѣю, и латинскѣю, поетикѣ, і часть риторики. языкъ же нѣтъ простой... глѣбще исправнѣ и добрѣ» (цит. по: Живов 1996, 94). Таким образом, ученики Славяно-греко-латинской академии получали на греческом материале некоторое представление об оппозиции «классические языки / простые языки», что было весьма актуально для эпохи перехода от словесной культуры на классическом языке к словесной культуре на «простом» языке.

«Золотые награды», жалованные Петру Постникову, наглядно демонстрировали «золотые успехи школьного учения» и определили дальнейший характер образования Петра Постникова (Забелин 1887, 7).

2.2. В Петровскую эпоху «российское просвещение» активно принимало в себя элементы «европейской образованности» посредством «заграничной посылки русских дворян для обучения»: «по всему свету рассеяны были русские люди»... (они) «учились всюду за границей всевозможным искусствам и мастерствам начиная с «философских и дохтурских» наук до печного мастерства и до искусства обивать комнаты и убирать кровати» (Ключевский 1958, 111).

Обширные знания, полученные в Славяно-греко-латинской академии, позволили и Петру Постникову продолжить обучение за границей. Еще в Москве под руководством доктора Пелярино, родственника Лихудов (?), Петр Постников приобрел начальные сведения из области медицины (Куприянов, 1872, 3—5). Весной 1692 г. в сопровождении доктора Пелярино Петр Постников по «царскому изволению» был отправлен в Италию в Падуанский университет, где в свое время прошли курс «свободных наук» сами Лихуды. Среди документов Посольского приказа сохранился указ о направлении Петра Постникова в Венецию, а также отписка смоленского воеводы И. Головина об отпуске Постникова из Смоленска за «литовский рубеж»: «...отпущен с Москвы в Венецию для совершения свободных наук в Падвинскую академию... Петр Посников для волного его тамо проезду дана ему проезжая грамота за государственною большою печатью, в которой он Петр Посников написан урожденным дворянином» (цит. по: Белокуров, Зерцалов 1907, 243); «...отпущен он (Постников) с Москвы в Венецию для науки в одно время з доктором с Яковом Пелярием» (цит. по: Цветаев 1896, 44).

Материалы Падуанского архива упоминают имя Петра Постникова при вступлении в университет и при окончании им курса «свободных наук». Запись университетской канцелярии под 22 сентября 1692 г. гласит, что Петр Постников в первый год своих занятий жил на квартире университетского профессора канонического права, известного в то время ученого грекокатолика Николая Пападополи. Одаренность природы и глубокие знания позволили Петру Постникову легко освоить курс Падуанского университета и овладеть современными европейскими языками — французским и итальянским. Из сочинений Постникова к «падуанскому периоду», вероятно, можно отнести

грамматикъ еллинскѣю, и латинскѣю, поетикъ, і часть риторики. языкъ же нѣтъ простой... глѣбще исправнѣи и добрѣе» (цит. по: Живов 1996, 94). Таким образом, ученики Славяно-греко-латинской академии получали на греческом материале некоторое представление об оппозиции «классические языки / простые языки», что было весьма актуально для эпохи перехода от словесной культуры на классическом языке к словесной культуре на «простом» языке.

«Золотые награды», жалованные Петру Постникову, наглядно демонстрировали «золотые успехи школьного учения» и определили дальнейший характер образования Петра Постникова (Забелин 1887, 7).

2.2. В Петровскую эпоху «российское просвещение» активно принимало в себя элементы «европейской образованности» посредством «заграничной посылки русских дворян для обучения»: «по всему свету рассеяны были русские люди»... (они) «учились всюду за границей всевозможным искусствам и мастерствам начиная с «философских и дохтурских» наук до печного мастерства и до искусства обивать комнаты и убирать кровати» (Ключевский 1958, 111).

Обширные знания, полученные в Славяно-греко-латинской академии, позволили и Петру Постникову продолжить обучение за границей. Еще в Москве под руководством доктора Пелярино, родственника Лихудов (?), Петр Постников приобрел начальные сведения из области медицины (Куприянов, 1872, 3—5). Весной 1692 г. в сопровождении доктора Пелярино Петр Постников по «царскому изволению» был отправлен в Италию в Падуанский университет, где в свое время прошли курс «свободных наук» сами Лихуды. Среди документов Посольского приказа сохранился указ о направлении Петра Постникова в Венецию, а также отписка смоленского воеводы И. Головина об отпуске Постникова из Смоленска за «литовский рубеж»: «...отпущен с Москвы в Венецию для совершения свободных наук в Падвинскую академию... Петр Постников для волного его тамо проезду дана ему проезжая грамота за государственною болшою печатью, в которой он Петр Постников написан урожденным дворянином» (цит. по: Белокуров, Зерцалов 1907, 243); «...отпущен он (Постников) с Москвы в Венецию для науки в одно время з доктором с Яковом Пелярием» (цит. по: Цветаев 1896, 44).

Материалы Падуанского архива упоминают имя Петра Постникова при вступлении в университет и при окончании им курса «свободных наук». Запись университетской канцелярии под 22 сентября 1692 г. гласит, что Петр Постников в первый год своих занятий жил на квартире университетского профессора канонического права, известного в то время ученого грекокатолика Николая Пападополи. Одаренность натуры и глубокие знания позволили Петру Постникову легко освоить курс Падуанского университета и овладеть современными европейскими языками — французским и итальянским. Из сочинений Постникова к «падуанскому периоду», вероятно, можно отнести

только диссертацию, написанную им на латинском языке при производстве в «докторское звание». После двухгодичного обучения 8 августа 1694 г. он был признан доктором медицины и философии, а в мае 1695 г. получил диплом, свидетельствующий о том, что Петр Постников «по крайнему учительска верху во философии и врачествѣ достиже», проявив себя в своем искусстве «так о изряднѣ, мудрѣ, учительнѣ, похвалнѣ, излщнѣ... таковою зрѣлостю остроуміа, толнкю же показа силу памяти поучениа словесности (краснословиа) и прочіих вещей, таже въ совершеннѣйшемъ философѣ и врачу искати са обыкютъ, тако великое самаго себѣ ожиданіе, еже у всѣхъ уже мало прежде праведно совоздвиже, не токмо подѣлать, но еще далнѣнши превзошелъ баше» (цит. по: Цветаев 1896, 57). Полученный университетский диплом предоставлял Петру Постникову право преподавать философию, медицину и иностранные языки, а также удостоивать уже своих учеников ученых степеней: «передати свободнѣ власть, да во градущее время свободнѣ и полнѣ, народнѣ и ѳединеннѣ во всѣхъ философскихъ и врачевскихъ учениахъ читати, вознискovati, совѣтовати разглаголствовати, взысканіа опредѣлати... тавно учити съ языка на языкъ толковати, преводити и обращати» (диплом Постникова был переведен в 1701 г. с латинского языка на церковнославянский Николаем Спафарием, цит. по: Цветаев 1896, приложение 4, 54—60). По окончании университета Петр Постников обнаруживал почти энциклопедическую осведомленность в разных сферах науки, что было оценено по достоинству: в ноябре 1694 г. он был избран ассесором в университетскую администрацию, заведовавшую делами *Artistarum* (богословием и медициной).

Однако учеба в Падуе имела не только образовательную, но и дипломатическую цель: будучи в Венеции, Петр Постников регулярно сообщал в письмах Петру I «некоторые новины, которые обносятся здѣ въ Венеціи о войнахъ» (цит. по: Бычков 1911, 44). Риторический опыт, приобретенный Петром Постниковым в Славяно-греко-латинской академии, отразился на характере писем, фрагменты которых написаны «украшенным» «словенским» языком. Так, например, риторически заданное «лепотнейшее и краснейшее» «предсловие» открывало письмо Постникова к Петру I от 18 октября 1695 г.: «Неповѣдимѣйшій монарха, присноавгустѣйшій востока и всея сѣверныя страны повелителю и госѳдарю мой премилостивѣйшій. Остроумнѣйшій оный во всѣхъ философвъ андірійскій Димокритъ, вестѣдѣ съ ѳчителемъ нашея школы врачевскія Иппократомъ древле подъ древомъ платаномъ о богатой и всѣхъ доволнѣ кормителницѣ натѳрѣ, сицевая произносаше словеса...» (цит. по: Бычков 1911, 44).

Сохранившиеся письма к Петру I позволяют проследить дальнейший жизненный путь Петра Постникова — «доктора философии и врачества учителя»: стремясь к совершенству знаний, он отправился в Париж («потрудился...

отъезжаю из Венеции во Францию» — цит. по: Бычков 1911, 44), а затем в Брюссель, Амстердам и Лейден, где слушал лекции по медицине и философии, одновременно сообщая Петру I политические «новинки». Находясь по указу царя в «иноземных государствах», Петр Постников овладел в совершенстве «простыми» языками — итальянским и французским, мечтал изучить голландский и английский, чтобы продолжить образование в Оксфордском университете. Однако в 1697 г. учебно-научная деятельность Петра Постникова сменилась дипломатической.

2.3. Продолжая борьбу с Турцией, Петр I направил за границу в 1697 г. русскую дипломатическую миссию — Великое посольство — для организации широкой антитурецкой коалиции. В составе Великого посольства было 250 человек во главе с тремя «великими послами»: Ф. Лефортом, Ф. Головиным и П. Возницыным. Фактическим главой Великого посольства был Петр I, входивший в него под именем Петра Михайлова. Великое посольство отправилось к европейским дворам, «чтобы скрепить прежние или завязать новые дружественные отношения с западноевропейскими государствами... но это была открытая цель посольства... секретная же заключалась в том... чтобы все лучшее выznать, все полезное перенять или переманить себе» (Ключевский 1958, 22). С «секретной целью» в Венецию специально были посланы дворяне-волонтеры, которые должны были «во Европе присмотреться к новым воинским искусствам и поведением». Что касается Петра Постникова, то он исполнял при Великом посольстве одновременно «открытую» и «секретную» функции как переводчик и «закупщик лекарственных снадобий».

При посольстве состояли три переводчика и три толмача: переводчики — Григорий Островский «для толмачества италианскаго и латинскаго и полскаго языков, потому что он тех языков писать и говорить умеет», Петр Вульф и Петр Шафиров «для переводов латинскаго, немецкаго и галланскаго языков»; толмачи — Иван Кропоткин, Алексей Змеев и Андрей Гемс (Шмурло 1894, 97). Однако особая необходимость была в переводчике и толмаче, «достовернейше» владевшем греческим и французским языками. Таким «достовернейшим переводчиком для российских послов» и оказался Петр Постников: «...вспомнили о Постникове, который основательно владел языками латинским, итальянским, французским и даже греческим», и было прислано «государево повеление» из Венеции ехать в Вену к русскому посольству (Шмурло 1894, 97). В 1698 г. Петр Постников был назначен секретарем при видном русском дипломате П. Вознице, который являлся уполномоченным на антитурецком конгрессе. Насколько значима была новая роль Петра Постникова, говорят письма П. Возницына к Петру Постникову и ко второму послу Ф. Головину. Переписка была вызвана нежеланием Петра Постникова возвращаться в Вену из Венеции, где он находился вместе с другими волонтерами:

— май 1698 г.: П. Возницын П. Постникову: «И ныне я тебе по прежнему его великаго государя указу поновляю, чтоб ты из Венеции ехал сюды в Вену безо всякаго замедления, а есть ли ты умедлишь и вскоре не будешь... опасися государева гневу, потому что тебе велено быть со мною на турецкой комиссии, и без тебя быть нельзя и дела делати будет некем, и турецкой посол другой, греченин Маврокордат, того ради ты к тому делу присовокуплен, что сверх иного можешь с ним говорить поеллинску и поиталианску и пофранцузску и полатине, а он те все языки знает» (цит. по: Шмурло 1894, 105);

— август 1698 г.: П. Возницын Ф. Головину: «...а Посникову совершенно надобно быть со мною на комиссии, потому что посол гречанин и через него можно достаточно говорить и писать» (цит. по: Шмурло, 1894, 105). Спустя некоторое время Петр Постников ответил П. Возницыну, что он отказывается в настоящее время ехать в Вену, а намерен отправиться в Неаполь, чтобы «живых собак мертвить, а мертвых живить». Отказ Петра Постникова вызвал осуждение и гнев «великого посла»: «...живых собак мертвить, а мертвых живить — сие дело не гораздо нам нужно. Отечески тебя наказую, если ты умедлишь и меня в Вене не застанешь или там, где я буду, во время не будешь, ведай себе подлинно, что велии гнев его царскаго величества, государя нашего милостиваго, примешь. А более сего я к тебе, яко к презирателю, писать не буду, а отпишу туда, где будет тебе не к ползе, и есть ли что приключится, тогда не имей на меня слова» (цит. по: Шмурло 1894, 106—107).

После настоятельных просьб и угроз Петр Постников все же прибыл в октябре 1698 г. на Карловицкий конгресс, который завершился подписанием ряда договоров между Священной лигой (Россией, Австрией, Венецией и Польшей) и Турцией. На официальных конференциях конгресса Петр Постников достойно исполнял функции толмача и переводчика. В день заключения перемирия, в знак особого расположения, он получил право следовать в парадной карете русских послов.

По заключении перемирия Петр Постников подал прошение о направлении его в Амстердам для занятия науками, о чем П. Возницын немедленно сообщил Петру I: «...говорит, государь, мне дохтур Петр Посников, чтоб я челобитье его донес к тебе, великому государю: нужда-де ему быть в Амстердаме для исправления к художеству его некаких инструментов, и чтоб ево из Вены туда отпустить, и дать ему твоего государева жалованья» (цит. по: Шмурло 1894, 109). Получив разрешение, Петр Постников отправился в Амстердам, затем в Лондон и только в начале 1701 г. возвратился в Россию. Указ об определении Петра Постникова на службу гласил: «...отослать ево в Оптекарской приказ с памятью и для ведома о докторском его изучении... а в Посолском приказе как случатца латинские, французские, италианские нужные писма, и те писма переводить ему ж, Петру» (цит. по: Цветаев 1896, 60). Так по указу

царя медицинская деятельность Петра Постникова официально соединилась с дипломатической. Документом, характеризующим медицинскую деятельность Петра Постникова, является написанное им 8 ноября 1701 г. «Свидетельство о познаниях в медицине Готфрида Клемма»: Постников дал характеристику желавшему поступить на русскую службу Готфриду Клемму как знающему специалисту, который может «всякие целяти болезни» (Родюкова 1986, 211). Летом того же 1701 г. по «государеву изволению» Петр Постников сопровождал в качестве врача и чиновника дипломатической канцелярии Петра I в его поездке в «северо-западные земли» России. Доказательством пребывания Постникова при Петре I является официальная дипломатическая переписка того времени. Так, в частности, Петр I отправил 18 июля 1701 г. из Новгорода, а 2 августа из Пскова два письма Августу II, королю Речи Посполитой, составленные на французском языке. Обыкновенно переписку свою с Августом II Петр I вел по-русски, и лишь эти два письма на французском языке объясняются присутствием Петра Постникова в свите государя. Ф. Головин, докладывая 9 июля Петру I о текущих делах, в частности о письме Августа II, заметил: «...х королю есть ли изволишь и сам что с сею почтою зело б хорошо. А Постников у милости твоей, и пофранцузски еще и приятнее» (цит. по: Шмурло 1894, 112).

В конце 1701 г. Петр I послал Постникова во Францию «неофициальным дипломатом» «для сообщения о тамошних поведениях». Летом 1702 г. Петр Постников на короткое время возвратился в Россию, но в марте 1703 г. снова отбыл во Францию. В 1704—1705 гг. он жил в Голландии с «научными целями», а затем снова вернулся в Париж. В начале 1710 г. русское правительство решило назначить при французском дворе официального посла и наметило на этот пост Петра Постникова, о чем ему было сообщено государственным канцлером Г. Головкиным. Однако в июле 1710 г. последовал указ Петра I о назначении официальным резидентом при французском дворе полковника де Крока (Родюкова 1986, 212). Вероятно, в начале 1710 г. Петр Постников вернулся в Россию и привез книги в библиотеки Аптекарского и Посольского приказов. Именно о библиотеке, привезенной Постниковым в 1710 г., идет речь в письме государственного канцлера Г. Головкина к дьякам Посольского приказа от 18 декабря 1710 г.: «которые книги по указу великаго Государя купил во Франции и Голландии доктор Петр Постников и привез к Москве о нравах и уложениях окрестных государств... прислать с подъячим, а ежели которые ис тех книг взяты в аптеку для собрания библиотеки, те оттуду взять и прислать в Петербург...» (цит. по: Токмаков 1885, 3—5; Хотеев 1986, 6).

2.4. Последний период жизни Петра Постникова остается до конца не проясненным. Согласно традиционной точке зрения (Шмурло 1894, 139; Цветаев 1896, 39; Описание... 1955, 199; Белоброва 1998, 267), Петр Постников.

вернувшись в 1710 г. в Россию, занимался переводческой деятельностью по поручению Посольского приказа. При этом обычно ссылаются на то, что в 1712 г. Петр Постников перевел с французского языка часть книги «L'Ambassadeur et ses fonctions par Monsieur de Wiequefort...» («Посол и его дела...» Абрахама де Викфора), поскольку на рукописи перевода стоит помета: «Переводъ съ книги французской доктора Петра Постникова О послахъ и министрахъ чужестранныхъ и о должности дѣль ихъ, и что есть посолъ, и честь ево — прислана нсть Петербурха июня во 12 прошлаго 1712 годѣ и отдана та книга переводить емѣ ис приказѣ тогож числа. Подалъ онѣ, Петрѣ, сію тетрадь генваря 3 дня нынешняго 1713 года» (цит. по: Шмурло 1894, 236).

С определенными сомнениями Петру Постникову приписывается перевод книги «Alcoran de Mahomet, translate de l'arabe en francois par le Sieur du Ryer», опубликованный в 1716 г. без указания имени переводчика под заглавием «Алкоран о Магомете, или закон турецкий» (Пекарский 1862, 370; Шмурло 1894, 146; Крачковский 1955, 175—181; Описание... 1955, 200; Белоброва 1998, 267). По сообщению П. Пекарского, рукопись печатного перевода содержала помету «переводилъ сію книгѣ Петрѣ Постниковѣ...»: «что касается до перевода Постникова, то он сделан без пропусков, заметна только неловкость переводчика при передаче некоторых французских слов и оборотов, что уже видно из названия: „Alcoran de Mahomet“ вышел в русском переводе „Алкоран о Магомете“, следовательно, частица de принята не в смысле члена для означения родительного падежа, но как предлог de... на основании этого можно предположить, что книгу переводил младший брат, а не старший» (Пекарский 1862, II, 370)¹.

Согласно другой, относительно недавно высказанной точке зрения (Родюкова 1986, 212), и перевод книги Абрахама де Викфора был сделан младшим братом Постникова, поскольку Петр Постников, вероятно, умер в 1710 г., о чем косвенно свидетельствует выпись в доклад Посольского приказа от 12 марта 1710 г. В этом документе содержится изложение челобитной матери Постникова, из которой следует, что ее младший сын, также бывший за границей, просит царя о возвращении в Россию для уплаты «великих долгов, оставших после брата ево дохтора Петра Постникова».

Действительно, у Петра Постникова был младший брат, носивший то же имя. Бесспорным доказательством этого является письмо Василия Постникова, отца Петра Постникова, к Петру I от 8 ноября 1702 г. с просьбой о продолжении обучения младшего сына по примеру старшего за границей:

¹ При этом Пекарский не отождествлял Петра Постникова — переводчика и Петра Постникова — врача (Пекарский 1862, I, 248).

«...понужден просити, во еже бы ваше величество для крайнейшего Божия человеколюбия и ради Пречистыя Его Богоматере и для своего государева многолетнего здравия изволил *второрожденного моего сына Петра* (выделено мной. — Н. З.), в царствующем величем вашем граде Москве латинского и французского языков во училищи² несколько лет будучего, во Европские государства ради свободных наук окончания отпустить и противу протчих отпусков ево братии свидетельствованную о проезде свою государеву грамоту, так же и на пропитание ево от своей государевой казны по своему государеву милосердому осмотрению дать повелите... А когда ваше величество *перворожденного моего сына Петра* (выделено мной. — Н. З.) во Италию в Потавскую академию для таких же наук отпустить изволил, и тогда премногая ваша монаршеская милость оному учинена...» (цит. по: Белокуров, Зерцалов 1907, 242—243). Согласно указу «1703 генваря 12 велено... другово сына иво Петра Посникова отпустить с Москвы во Европские государства для совершения свободного учения немецкого, латинского и французского языков» (цит. по: Белокуров, Зерцалов 1907, 243). В свою очередь, Петр Постников старший в письме к Ф. Головину от 7 марта 1703 г. сообщал: «Благостию Вышнего Предвидения... приехал я и с братом моим во преславный Париж...», и далее следует подпись: «ваш нижайший, покорнейший... раб Петр Посников перворожденный» (цит. по: Шмурло 1894, 89). Когда в 1710 г. старший Петр Постников возвратился в Россию, младший еще был за границей: 12 октября 1711 г. французский профессор De Lionniere просил письмом из Парижа об уплате ему за семилетнее обучение Постникова разным наукам и языкам. В 1712 г. младший Петр Постников в числе других учеников, обучавшихся в «окрестных государствах», окончательно возвратился в Россию. Как видно из приведенных материалов, младший Петр Постников также получил прекрасное образование, которое предполагало основательное знание иностранных языков, и прежде всего французского. Таким образом, обоих братьев трудно подозревать в плохом владении французским языком и неумелой переводческой работе.

Следовательно, для объяснения переводческой «неловкости» необходимо определить культурно-языковой статус изданного в 1716 г. «Алкорана о Магомете», учитывая историю перевода Корана в России.

3.1. К началу XVIII в. в Европе существовали три печатных перевода Корана, выполненные непосредственно с арабского оригинала: латинский перевод Роберта Ретенского, изданный в 1543 и в 1550 гг. в Базеле, латинский перевод Лодовико Мараччи, напечатанный вместе с арабским оригиналом в

² Известно, что в Москве Петр Постников младший учился в немецкой школе, вероятно у Швимера с 1701 по 1703 гг. (Белокуров, Зерцалов 1907).

1698 г. в Падуе, и французский перевод Андре Дю Риэ, впервые изданный в 1647 г. в Париже и много раз переиздававшийся. Кроме переводов, выполненных непосредственно с арабского языка, были выполнены и производные переводы на итальянский, немецкий, голландский и английский языки (Крумлинг 1994, 227). Первый в России перевод Корана, оригиналом для которого послужил французский перевод Андре Дю Риэ, появился в Петровскую эпоху, что было мотивировано политическими и просветительскими задачами. Перевод под заглавием «Алкоран о Магомете, или закон турецкий. Переведенный с французского языка на российский» был напечатан в 1716 г. в Санкт-Петербургской типографии гражданским шрифтом, что определяло его принадлежность новой культурной парадигме, противопоставленной традиционной парадигме, маркером которой был церковный шрифт. Знаковый новаторский характер издания Корана подтверждается и личным интересом к нему Петра I, о чем свидетельствует переписка директора типографии Михаила Аврамова с личным секретарем Петра I Алексеем Макаровым:

— 28 декабря 1716 г. «...книг нового выходу, а имянно Алкорана... за дорогою платою на почту не отправляю...»;

— 8 января 1717 г. «...к тому ж новой Алкоран... на почту за дорогою платою никто не принимает...»;

— 18 февраля 1717 г. «...отправлен до Его Величества... Алкоран...» (цит. по: Крумлинг 1994, 233—234).

В свою очередь, традиционное мнение, свидетельствующее о необычности и чуждости перевода Корана в рамках христианской культуры, представлено Саввой Владиславичем-Рагузинским в предисловии к переведенной им в 1720 г. книге «I Consigli della Sapienza ovvero la raccolta delle massime di Salomone» («Собрание определений Соломоновых...»): «не **Есоповы фавѳлы или махOMETанскне рассказы... обрящещи, но самыя святополитичныя поступки, ко исправленню совѳести дѳуха, или ѳума, сердца и страстей, да и языка**» (цит. по: Синьорини 1999, 330).

Таким образом, перевод Корана рассматривался и по содержательным, и по формальным признакам как текст, принадлежавший новой культуре.

3.2. Выявить языковые диагностические признаки «Алкорана» позволяют «подготовительные» материалы, а именно сохранившиеся в собрании РГАДА корректурный экземпляр (ф. 1251, № 3) и наборная рукопись (ф. 381, № 1034) «Алкорана о Магомете». Корректурный экземпляр содержит правку, проведенную справщиками типографии Михаилом Волковым и Иваном Кременецким, оставившими свои подписи: «справил Михаила Волков» (с. 317, 320, 322), «смотрел Кременецкий» (с. 319). Наборная рукопись, текст которой написан справщиком Михаилом Волковым, также содержит языковую правку, выполненную самим Михаилом Волковым и Иваном Кременецким. Наборная

рукопись, корректурный экземпляр и окончательный печатный текст не представляют никаких данных о переводчике Корана. Однако «подготовительные» тексты дают возможность дифференцировать языковые навыки и установки неизвестного переводчика и справщиков. Так, анализ языка исходного текста позволил заключить, что неизвестный переводчик не столько плохо знал французский язык, сколько использовал при переводе знания латинского языка, что следует уже из перевода названия книги: «Alkoran de Mahomet» = «Алкоран о Магомете» (Круминг 1994, 233). Очевидно, что братьям Постниковым, в совершенстве владевшим французским языком, не могло быть свойственно такое книжно-языковое поведение. Кроме того, анализ языка исходного текста и системно проведенной языковой справки, представленной в наборной рукописи, дает возможность установить, что неизвестный переводчик недостаточно владел и нормами церковнославянского языка. Именно недостаточное владение переводчиком нормами церковнославянского языка мотивировало «тотальную» грамматическую справку, целью которой было устранение грамматических ошибок и замена не книжных форм и конструкций книжными. Возможно, в силу незнания справщиками французского языка не осуществлялась сверка с французским оригиналом, и справка носила только «окнижняющий» характер, предполагающий восстановление семантической и формальной дистанции между книжным и не книжным языком. Внесенные в ходе справки изменения могут быть представлены как определенный концептуально мотивированный комплекс реализованных правил:

(Морфология)

1) снятие грамматических ошибок (аграмматизмов и гиперкоррекций) в книжных формах:

(глагол: снятие дефектности в реализации грамматических категорий лица и числа):

«ты есть → еси первъ» (л. 200 об.); «w которыя есте → сѣть правовѣрныя» (л. 235 об.); «Сие таинство сѣть → есть таинство алкорана» (л. 257); «обѣщание бжне сѣть → есть необходимо» (л. 293); «услышаны бысть → быша мѣтвы его» (л. 216); «бысть → быша дома их разорены» (л. 263); «Они бысть → быша» (л. 284);

«Азъ послахомъ → послахъ к вамъ монахъ пророковъ і апостолов» (л. 311 об.); «Азъ повелѣхомъ → повелѣхъ мѣтся единомъ бгъ» (л. 326); «они его вопрошаше → вопрошахъ о толкованіи его» (л. 141 об.); «Они вознегодовали противъ вѣры і рече → глаголахъ» (л. 229 об.);

«они придоша → придоша вси купно» (л. 124); «рекоша → вѣщаша емъ пришедшіе» (л. 133); «они придоша → придоша» (л. 133 об.); «они внидоша → внидоша во град» (л. 145); «они рекоша → рекоша» (л. 147)

об.); «превыста → превыша кѣпно с нечестивыми» (л. 158); «они отидоста → отидоша прочь» (л. 278); «изыдоста → изыдоша из своєю крѣпости» (л. 300 об.);

(причастия: снятие дефектности в реализации грамматических категорий рода и числа):

«не бѹдте тако яко невѣрные которые рекли глаголющи → глаголюще...» (л. 41 об.)

2) замена некнижных форм книжными (восстановление семантической дистанции между книжным и некнижным языком):

(глагол: восстановление реализации грамматической категории лица):

а) замена форм на -л формами аориста и имперфекта (в грамматической позиции 1, 3 л. ед. и мн.):

«Азъ благо сотвориалъ → сотвориухъ» (л. 6 об.); «Мы тебѣ послали → послахом...» (л. 311); «Мы тѣ послали не быти ихъ защитителем → не послахом защищати ихъ» (л. 342);

«сквернили → скверниша землю» (л. 151 об.); «кѹсали свои палцы → згрызахѹ» (л. 154 об.); «Пошли → подоша вси кѣпно» (л. 188); «Отвѣщали → отвѣщаша вси» (л. 249 об.); «Они же рекли → рекоша» (л. 262 об.); «они рекли → глахѹ» (л. 273); «пришли → придоша за заповѣдми вразумительными» (л. 288 об.); «Они были → быша въ числѣ послышающихъ» (л. 319); «были → быша наказаны подостоннствѹ» (л. 322); «Слово бжїе исполнися над ними како исполнися над тѣми которые были → иже быша прежде ихъ» (л. 337 об.); «убогие все покрали → разграбиша» (л. 389 об.); «Они повѣжали → повѣжаша» (л. 389 об.); «Тогда они рекли → рекоша» (л. 389 об.); «Они попадали → подоша яко мертвыя на землю» (л. 390 об.);

б) замена форм на -л формами перфекта со связкой (в грамматической позиции 2 л. ед.):

«Ты ннѣ повѣдалъ → повѣдалъ еси истиннѣ» (л. 8 об.); «не того ли ради пришел → пришелъ еси» (л. 353);

(причастия: восстановление реализации грамматических категорий рода и числа):

а) замена форм на -(')учил/-(')ачи формами на -(')а (в грамматической позиции Им. ед. м.):

«Бгѣ васъ искѹси единою вещию знаючи → вѣдая» (л. 71 об.); «кто сотворит добро... вѣрѹючи → вѣрѹя в бгѣ, видетъ в рай» (л. 333); «неустрѣдися видячи → видя наказание невѣрныхъ» (л. 354);

б) замена форм на -(')учил/-(')ачи и на -(')а формами на -(')уцел/-(')аще (в грамматической позиции Им. мн. м.):

«Обаче они обратилися къ нѣхъ грѣхамъ глаголючи → глаголюще» (л. 99 об.), «да невѣдете ленивыи его опасая → да некако шеленишася строгоще» (л. 139);

3) замена не книжных форм книжными (восстановление формальной дистанции между книжным и не книжным языком):

(глагол):

замена форм 2 л. ед. наст. вр. на -шь формами на -ши; замена форм инфинитива на -ть формами на -ти:

«ты воишся → воишися» (л. 267); «аще ты речеши → речеши истинну» (л. 307); «могли защитити → защитити» (л. 294); «преклонять → преклоняти» (л. 294 об.); «вкѹситъ» → «вкѹсити» (л. 296);

(имена):

замена форм на -у формами на -а в грамматической позиции Р. ед. м.:

ѿ законѹ → ѿ закона (л. 103 об.); без страхѹ → без страха (л. 359 об.)

(местоимения):

а) замена форм в грамматической позиции Р. ед.

«противо себя → себе» (л. 110 об.); «наперед тебя → прежде тебе» (л. 125);

б) замена полных форм энклитическими в грамматической позиции В. ед.
«вопрашиваютьъ тебя → вопроятъ тя» (л. 296 об.); «тебя → тя послахомъ» (л. 311);

(союзы и союзные слова):

«который → иже даде свѣтило солнцѹ» (л. 118); «которые → иже вѣдѹтъ добро творити» (л. 152); «которые → иже знаютъ вся» (л. 153 об.); «которые → иже дерзаютьъ прокляти его» (л. 172); «которые → иже рекѹтъ» (л. 193 об.); «которые → иже имѣютьъ страхъ» (л. 213 об.); «которыи → иже послалъ алкоранъ своемѹ слѹзѣ» (л. 2.2); «которые → иже желали имѣние его» (л. 277); «которые → иже намъ пристѹпили» (л. 288 об.); «которые → иже послѹшаютъ бгѹ» (л. 304 об.); «которые → иже быша прежде ихъ» (л. 337 об.); «которыи → иже ихъ сотвориша» (л. 338); «которыи → иже можетъ дати животъ и смерть, которыи → иже есть всемогѹщи» (л. 354); «которые → иже препятствѹютьъ ближнимъ своимъ послѣдовати законѹ бжню» (л. 354 об.);

«Когда → егдаже бгѣ имъ сотвори добро» (л. 113); «Когда → егдаже онъ вѣдалъ» (л. 116 об.); «Когда → егдаже слышали правдѹ» (л. 123 об.);

«слышахомъ что → яко бысть единъ юноша нарицаемый Аврамъ» (л. 214); «реканъ что → яко есть волшебство» (л. 258 об.); «надѣяся что → яко вы вѣдете благодарны» (л. 350); «чающѣ что → яко сии жители воспоминаютца» (л. 353 об.); «рекохомъ мы что → яко бгѣ неповѣлѣлъ творити что → еже они намъ сказывали» (л. 387 об.);

«кто естъ паки неправѣе како → яко сен которын иже вѣсть приказанне гда своего» (л. 296), «мы ѱдалилися от тебе како → яко востокъ ѱдалился от западъ» (л. 345)

(Синтаксис)

1) синтаксис имени: замена конструкций с притяжательными прилагательными конструкцией с родительным приименным:

«Во имя вѣние → вѣга» (л. 102 об.);

2) синтаксис причастий:

а) замена присубстантивных (определительных) придаточных причастными оборотами:

«Он сотвори корабль которын плаваеть по морю его произволениемъ → плавающн по морю его произволениемъ» (л. 157); «онъ сотвори солнце і мѣтъ, которыя движуться безпрестанно → движущися безпрестанно» (л. 157); «Онъ обѣща вамъ мѣть свою и велие возмездие правовѣрным, которые творят добрые дѣла → творящим добрые дѣла» (л. 63); «Ничего незабыхом написати в кнѣзѣ которая содержитца на небеси → содержащейся на небеси» (л. 77 об.); «Бгъ несокрушит мекн ради неправедныхъ, которые тамо полагаются → тамо живущихъ» (л. 85 об.); «Мы не послали прежде тебе токмо чавекъ которые имѣют повелѣние от нас → имѣющихъ повелѣние от нас» (л. 210); «Будѣт вси наказаны ангели которые сѣтъ ѱ престола вѣния → предстоящые престолѣ вѣнию» (л. 331); «Они обряцѣтъ жестокоств і законъ вѣжескъ которын сохраниятъ снх которые были прежде ихъ → охраняющн вывшихъ прежде ихъ» (л. 336); «Когда они ѱвидили являвшееся облако черное, которое приближаетца къ ихъ жилищам, рекли → приближающееся къ ихъ жилищам» (л. 353);

«Да будеть хвала бгѣ, что нас привѣл здѣсь → приведшемъ насъ сѣмо» (л. 91); «...вкѣсите богатство что вы обрели → вами шверѣтенное» (л. 109 об.); «...они невѣрили пророкѣ і непослушали заповеден, что имъ послахомъ → имъ посланныхъ» (л. 119); «Хвала бгѣ, что он подаде мѣтъ → давшемъ мне мѣтъ» (л. 157 об.); «Аз ти повѣдаю снѣ вещи, что случися в сем градѣ → случившиися в сем градѣ» (л. 95);

б) замена присубстантивных (определительных) придаточных субстантивированными причастиями:

«Воистиннѣ онъ слышал мѣтвы тѣхъ, которые принимаютъ его слова → принимающихъ его слова» (л. 77 об.); «...несообщайте мене в числѣ снх которые молилися идоломъ → молящихся идоломъ» (л. 98); «...он неизженет снхъ, которые раздѣляютъ мѣти, что он далъ народѣ → раздѣляющихъ мѣти, данные народѣ» (л. 105 об.); «...которые внидѣтъ в кастел мекн будѣтъ в числѣ снхъ которые вѣрчуютъ в бга → вѣрчующихъ в бга» (л. 108 об.); «Бгъ любит снхъ которые имѣютъ дши чистые → имѣющихъ

дши чистые» (л. 116); «Бгъ нежелаетъ возмездия которыя творят добро → творящимъ добро» (л. 117); «Бгъ не любитъ тѣхъ которые сквернятъ землю → ускверняющихъ землю» (л. 124); «...небѣди в числѣ тѣхъ которые смнѣваютца о сем → смнѣвающихся о сем» (л. 125); «Он посла... которые непослушали приказани его → непослушающихъ заповѣди его» (л. 125 об.); «...правовѣрныя сѣтъ подобны тѣмъ которые имѣютъ слышание і видѣние блгое → имѣющимъ слышание і видѣние блгое» (л. 128 об.); «...дабы вам непридѣчилось тако како симъ которые нехотѣли вѣрнть Нюю → невѣрующимъ словесемъ Нюя» (л. 135); «Они подобны тѣмъ которые имѣютъ всегда жаждѣ і подставляють рѣкъ → жаждѣщимъ і подставляющимъ рѣкъ свою» (л. 150 об.); «Воистиннѣ они пожелають быти в числѣ сихъ которые послушали приказанию божескомѣ → послушающихъ приказани бжеского» (л. 317 об.); «...ты невидиши никого от сихъ которые вѣрютъ в закон → итѣ вѣрющихъ в закон» (л. 377);

в) замена конструкций с однородными сказуемыми на конструкции со второстепенным сказуемым (с сопутствующим устранением соединительного союза и снятием аграмматизмов):

«Онъ приде к своимъ дѣтямъ велми печален і вспоминахѣ → вспоминаная погѣбление сна своего» (л. 146); «...показа емѣ правый пѣть, рече → глаголюще» (л. 208 об.); «Они повили ихъ напереді и рече → глаголюще» (л. 105); «...ангели вѣдѣтъ посѣщать і вѣдѣтъ поздравлять і рекѣтъ → глаголюще» (л. 151 об.), «...кѣсали свои палцы... і рече → глаголюще» (л. 154 об.); «пророцы отвѣщаша рекоша → глаголюще имъ» (л. 155); «...которые воспримаютъ обиды ѿ невѣрныхъ і надѣютца → надѣющеся на Гда своего» (л. 166); «Обаче невѣрные истязѣются о сени исторіи, рекли → глаголюще...» (л. 184); «...разсѣдите его дѣйство, придите → пришедше к немѣ» (л. 202); «...отстѣпили отъ блготворящихъ, неразсѣждаютъ → неразсѣдающе слова алкорановы» (л. 230); «...они отставили рекли → глаголюще...» (л. 232); «Токмо мы непослушали нашихъ учителей, рекохомъ → глаголюще...» (л. 387 об.), «...возмите ихъ связжите → связавше вверзите во адѣ» (л. 391);

г) замена конструкций с основным сказуемым на конструкции со второстепенным сказуемым («дательный самостоятельный»):

«...і призванѣ бысть Іосифѣ и рече фараонѣ → призванѣ же бывшѣ Іосифѣ, рече фараонѣ» (л. 142 об.);

д) дифференциация синтаксических функций кратких и полных страдательных причастий (предикативная функция = краткие формы):

«...ядите блгое что вамъ данное → данно есть» (л. 7 об.); «Проповѣдѣи тѣмъ которые вѣдѣтъ жестоко наказани → наказаны» (л. 80); «...вѣдѣтъ вверженні → ввержени во огнь» (л. 103 об.); «...вы вѣдете вси кѣпно предъ бгомъ сѣдимыми → сѣдими» (л. 126 об.); «...вѣдѣтъ вси наказани → нака-

зани» (л. 334); «...онѣ написанный → написанъ есть в ншеи кнѣзѣ» (л. 343 об.); «...гдѣ дерева ѹготованныя → ѹготованы сѣтъ» (л. 370 об.);

3) синтаксис частиц:

замена конструкции с двойным отрицанием конструкцией с одинарным отрицанием:

«ничто не ѹтантца от тебе → ничтоже бысть ѹтаено от тебе» (л. 331).

Приведенный языковой материал, демонстрирующий наличие в исходном тексте неправильных книжных форм, наглядно свидетельствует именно о несовершенном владении переводчиком нормами церковнославянского языка, а не о возможной попытке неизвестного переводчика упростить традиционный язык в соответствии с установками Петра I.

Действительно, согласно инструкциям Петра I, переводчики и авторы оригинальных сочинений, входящих в парадигму новой секулярной культуры, должны были стремиться писать не на «словенском» языке, а на некоем «простом языке», или «просторечии». Однако весьма показательно, что свои декларации, содержавшие идею упрощения языка, Петр I обращал прежде всего к ученым книжникам, привыкшим, наоборот, увеличивать дистанцию между книжным и некнижным языком. Так, Ф. Поликарпову, одному из лучших учеников Лихудов, Петр I поручил перевод с латинского языка «Географии генеральной» Б. Варения, и тот, будучи ученым книжником, перевел эту книгу в 1716 г. на традиционный церковнославянский язык, объясняя такой перевод функциональным тождеством классических языков (латинский язык = церковнославянский язык): «Убо и мне (коснувшемуся превода книги сея) должность надлежала последовати якоже сенсу, тако и тексту авторову и не общенародным диалектом Российским преводити сия, но хранити по возможности регулы чина грамматического, дабы тако изъяснил высоту и красоту слова и слога авторова» (цит. по: Живов 1996, 92). Однако Петр I остался недоволен этим переводом, указывая, что «за неискусством» переведена «гораздо плохо», и повелел Ф. Поликарпову выправить перевод «хорошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком». «Упрощающая» грамматическая правка была осуществлена бывшим учителем Ф. Поликарпова Софронием Лихудом, для которого естественнее было перенести модель «книжный язык → „простой“ язык» с греческого материала на славянский (Живов 1996, 92—96). В предисловии к печатному изданию новой редакции перевода «Географии генеральной» 1718 г. уже отмечалось, что книга переведена «не на самый славенский высокии диалект против авторова сочинения, и хранения правил грамматических: но множае гражданскаго посредственнаго... наречия» (цит. по: Живов 1996, 92). В 1725 г. была напечатана «Библиотека» Аполлодора, переведенная с греческого языка также учеником Лихудов

А. Барсовым, специально указавшим в предисловии, что Петр I повелел перевести книгу «на общии Российский язык». Опыт владения церковнославянским языком также не позволил А. Барсову существенно упростить язык перевода, что потребовало дополнительной «упрощающей» правки, фрагментарно осуществленной справщиками Московской Синодальной типографии И. Кречетовским и И. Максимовичем, о чем свидетельствует наборный экземпляр книги (например, замена форм аориста на л-формы «**БЫША** → **БЫЛИ**», л. 12 об.). Установка на «упрощение» языка предполагала обязательное снятие семантической дистанции и факультативное снятие формальной дистанции между книжным и некнижным языком, но отнюдь не «введение» грамматических ошибок (РГАДА, ф. 381, № 1015).

Петр Постников, бывший соученик Ф. Поликарпова и А. Барсова, мог потенциально перевести Коран и с латыни и с французского языка соответственно на традиционный церковнославянский язык или на некий упрощенный язык, но он не мог перевести на «плохой» церковнославянский язык, маркером которого служили грамматические ошибки. Таким образом, проведенный анализ позволил дифференцировать два принципиально разных типа языкового поведения в Петровскую эпоху: доминантой одного являлась «ошибка», тогда как доминантой другого — «установка».

Однако помимо обсуждаемого большинством ученых перевода Корана, изданного в 1716 г., в Петровское время был выполнен еще один перевод, оставшийся неопубликованным. Этот перевод известен по двум рукописям, написанным приблизительно в одно время одним неатрибутированным почерком: одна рукопись хранится в БАН (№ 3.7.6.), другая в РГАДА (ф. 181 МГАМИД, № 148—217). Рукопись РГАДА содержит записи, дающие информацию об имени переводчика и времени перевода:

запись на л. 780 «Переводилъ сію кнѣгъ Петра Постниковъ» (почерк не основного писца рукописи и не Петра Постникова старшего),

запись на л. 1 «1726 гъ годѣ ѿ хрѣтова рождѣтва мѣца генварѣа въ 10 день переплетенъ въ кнѣгъ сен Алкоранъ».

Судя по тому, что рукопись РГАДА была отдана в переплет в январе 1726 г., она была написана в 1725 г., т. е. перевод некоего Петра Постникова был выполнен значительно позже, чем перевод, изданный в 1716 г.

Два выявленных перевода значительно отличаются друг от друга, о чем можно судить по небольшому фрагменту из предисловия «Къ читателю».

L'Alcoran de Mahomet... a Paris, 1649:

«Ce Liure est vne longue conférence de Dieu, des Anges, e de Mahomet, que ce faux Prophète a inuenté assez grossièrement, tantost il introduit Dieu qui luy parle e luy enseigne sa loy, après vn Ange, puis les Prophètes, e souuent il fait parler Dieu en pluriel par vn stile qui n'est pas ordinaire, il déclame contre ceux qui adorent les

Idoles, particulièrement contre les habitants de la Ville de la Meque, e contre Coreis qui estoient ses ennemis à son éuenement. Il a intitulé ce Liure ALCORAN, comme qui diroit le Recueil des Préceptes, Il l'appelle aussi EL FORCAN, c'est à dire, qui distingue le bien d'auec le mal» (pp. 1—2).

В наборной рукописи предисловие не сохранилось, но оно вошло в печатный текст, набравшийся по этой, правленной, рукописи:

«Сія книга разумѣется отъ труквѣвъ, Божіи со Ангелами и съ Магометомъ долгін советѣтъ, его же сей лживын пророкъ вымыслилъ весма просто, ибо въ разныхъ мѣстахъ сей книги производятъ яко бы Богъ съ нимъ говорилъ и показывалъ емоу свой законъ. А потомъ яко бы Ангели и пророцы: чемъ чрезъвычайнѣ не правое учреждаютъ реченіе. По томъ вопіетъ противу идолопоклонниковъ, а особливо противу жителей Мекки, и кореевѣвъ, которые были въ тѣ времена ему непріятелн. И нарече сію книгу Алкоран, то есть собраніе закона, а индѣ именуется Елкоранъ то есть различеніе добра отъ зла» (Ефремов 1888, 644—646).

В рукописи 1725 г. представлен текст более точного перевода:

«Сія книга есть долгін розговор ш бзе, ш ангелахъ, и ш магомете которыми оныи лживын пророкъ велми грубо вымыслиа овогда предводитъ бга емоу глаглющаго, и шнагш научает свои закон, овогда ангела иногда пророков, и многажды повелѣваетъ бгоу глаголати многочисленно чрезъвычайное согласне і ұличает иныхъ которыя идоломъ поклоняются, шособливо жителей града мекъ и противо корѣль которые въ его пришествене емоу непріятелны являлися. возглавие сей книги написал алкоран, сирѣч собраніе заповедей, такожде называет ел-ѳоріан сирѣч которыми раздѣляя добрыя дѣла злыми» (л. 2—2 об).

Даже поверхностный языковой анализ рукописного перевода 1725 г. позволяют утверждать, что переводчик достаточно владел французским языком, что явлено уже в переводе названия: «Alcoran de Mahomet» = «Алкоран, или закон магометанский». Кроме того, переводчик старался перевести на язык более понятный, отличный от традиционного церковнославянского языка. Появление нового, более точного и понятного, перевода Корана в 1725 г. могло быть мотивировано актуализировавшимся интересом Петра I. Свидетельством этого может служить издание в 1722 г. историко-политического труда «Систима или состояние мухамеданския религии...», сочиненного на латинском языке Д. Кантемиром и переведенного его секретарем И. Ильинским. В авторском предисловии к этому трактату специально подчеркивалось, что «сонзволнѣя егш црское величество и мнѣ... рабѣ своемѣ поручити, дабыхъ о Мѣхамеданской религии, и о политическом Мѣсламанскаго народа правленіи, нѣкое нижним стилем и просторѣчїем изданіе» (РГАДА, ф. 381, № 1035, л. 13).

Выявленные культурно-языковые признаки перевода 1725 г. позволяют потенциально атрибутировать текст и Петру Постникову старшему, и Петру Постникову младшему, однако историческая реальность разрешает эту амбивалентность скорее в пользу младшего брата. Обоснованный ответ на вопрос об авторстве перевода «Алкорана» 1725 г. возможен только при проведении прогнозирующего анализа, направленного на соотнесение культурно-языковых параметров языковой личности Петра Постникова младшего и языковых параметров исследуемого текста.

Таким образом, в Петровскую эпоху были выполнены два перевода Корана с французского языка: один из них, выполненный неизвестным переводчиком, был напечатан в 1716 г., другой, осуществленный, скорее всего, младшим Петром Постниковым в 1725 г., остался в рукописи. П. Пекарский, говоря о переводе «Алкорана», не сличил текст известной ему рукописи 1725 г., содержащей информацию о переводе Петра Постникова, с печатным текстом 1716 г.: допущенная П. Пекарским ошибка была впоследствии повторена большинством исследователей.

4.1. Проведенный прогнозирующий анализ, направленный на определение культурно-языкового статуса личности Петра Васильевича Постникова и культурно-языковой статус приписываемых ему текстов, позволил уточнить объем и характер его книжно-языковой деятельности: соотнесение культурно-языковых параметров личности и текста, дало возможность заключить, что изданный в 1716 г. «Алкоран о Магомете» не мог быть переведен ни самим Петром Постниковым, ни его младшим братом.

Литература

- Белокуров, Зерцалов 1907 — *Белокуров С. А., Зерцалов А. Н.* О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1700—1715 гг.) // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских. 1907. 1, 1—244.
- Белоброва 1998 — *Белоброва О. А.* Посников Петр Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1998. 3, 266—268.
- Бычков 1911 — *Бычков И. А.* Новые материалы для биографии первого российского доктора // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских. 1911, 41—57.
- Горский, Невоструев 1862 — *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Т. 3. Ч. 3.
- Елеонская 1990 — *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990.
- Ефремов 1888 — *Ефремов П.* Новооткрытая библиографическая редкость // Русский архив. 1888. № 4, 644—646.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Забелин 1887 — *Забелин Н. Е.* Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки // Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 4.

- Запольская 1988 — *Запольская Н. Н.* П. В. Постников — выпускник Славяно-греко-латинской академии. (Некоторые материалы для биографии) // *Cyrrilomethodianum XII. Thessaloniki*, 1988, 75—92.
- Запольская, Страхова 1993 — *Запольская Н. Н., Страхова О. Б.* Забытое имя: Петр Постников. (Из истории русской культуры конца XVII — начала XVIII веков) // *Palaeoslavica*. 1993. № 1, 111—148.
- Ключевский 1958 — *Ключевский В. О.* Сочинения. Курс русской истории. М., 1958. Т. 4. Ч. 4.
- Копыленко 1960 — *Копыленко М. М.* Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов // *Византийский временник*. 1960. Т. 17.
- Крачковский 1955 — *Крачковский И. Ю.* Русский перевод Корана в рукописи XVIII века // *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1955. Т. 1, 175—181.
- Крумлинг 1994 — *Крумлинг А.* Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // *Архив русской истории*. М., 1994. Вып. 5, 227—239.
- Куприянов 1872 — *Куприянов Н.* История медицины в России в царствование Петра Великого. СПб., 1872.
- Лебедева 1973 — *Лебедева И. Н.* Описание рукописного отдела БАН СССР. Греческие рукописи. Л., 1973. Т. 5
- Описание... 1955 — Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955.
- Пекарский 1862 — *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1—2.
- Прозоровский 1896 — *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев, его жизнь и деятельность. М., 1896.
- Рихтер 1820 — *Рихтер В.* История медицины в России. М., 1820. Т. 3, 126, 143—152.
- Родюкова 1986 — *Родюкова М. В.* Новые источники о первом русском докторе медицины П. В. Постникове // *Археологический ежегодник за 1985 г.* М., 1986, 209—212.
- Синьорини 1999 — *Синьорини С.* Русский перевод произведения I Consigli della Sapienza ovvero la raccolta della massime di Salomone начала XVIII в.: проблемы и решения // *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI—XVIII secolo*. Edizioni dell'Orso, 1999, 323—347.
- Сменцовский 1899 — *Сменцовский М.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
- Смирнов 1855 — *Смирнов С. П.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Строев 1829 — *Строев П.* Описание старопечатных книг славянских и российских графа Ф. А. Толстого. М., 1829.
- Токмаков 1885 — *Токмаков И. Ф.* Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // *Библиограф*. СПб., 1885. № 4, 71—79.
- Трохачев 1988 — *Трохачев С. Ю.* Греческо-русские рукописные грамматики XVII—XVIII вв. в России // *Литература Древней Руси. Источниковедение*. Л., 1988, 207—212.
- Хотеев 1986 — *Хотеев П. И.* Французская книга в библиотеке Петербургской академии наук // *Французская книга в России в XVII в.* Л., 1986, 5—58.
- Хютль-Фольтер 1987 — *Хютль-Фольтер Г.* Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1987. Bd. 33, 7—21.

- Цветаев 1896 — *Цветаев Д. В.* Медики Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896.
- Шмурло 1894 — *Шмурло Е. П. В.* Постников: Несколько данных для его биографии // Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1894. № 1.
- Яламас 1992 — *Яламас Д.* Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.